

Йейтс У.Б. Идеи добра и зла : сб. ст. и эссе / пер. Г. Кружкова. – СПб. : Азбука-классика, 2007. – 189 с.

Сток Э.Д. Йейтс: его поэзия и мысли : пер. с англ. – М. : Аграф, 2001. – 374 с.

Урнов М.В. Оскар Уайльд и его творчество // Уайльд О. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1. – М., 1979. – С. 5–30.

FEATURES OF SYMBOLISM IN ENGLISH LITERATURE (AS EXEMPLIFIED IN O. WILDE'S AND W.B. YEATS'S WORKS)

The paper discusses the specificity of symbolism in English literature. Literary texts and aesthetic views of O. Wilde and W.B. Yeats are considered. Special attention is paid to the cultural context which their views were formed in.

Key words: symbolism; English literature of the late 19th century; O. Wilde; W.B. Yeats.

УДК 821.111+821.161.1

РЕЦЕПЦИЯ ОБРАЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ В РОМАНАХ ДЖУЛИАНА БАРНСА «АРТУР И ДЖОРДЖ» И ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «Т»

А.В. Ефимов

*Научный руководитель: Г.Г. Ишимбаева,
доктор филологических наук, профессор (БашГУ)*

В статье рассматриваются особенности образов Артура Конан Дойля в романе Джулиана Барнса «Артур и Джордж» и Льва Толстого в романе Виктора Пелевина «т». Подчеркивается общность проблематики обоих романов и устанавливаются различия между использованными в этих произведениях методами создания писательских образов. Проводится параллель между несходством созданных Барнсом и Пелевиным образов писателей и несходством художественных замыслов «Артура и Джорджа» и «т».

Ключевые слова: Джулиан Барнс; Виктор Пелевин; «Артур и Джордж»; «т»; Артур Конан Дойль; Лев Толстой; постмодернизм; автор; герой; биография.

В современной литературе особое место занимают романы, главными героями которых выступают известные писатели: Э. Берджесс «Влюбленный Шекспир», П. Акرويد «Завещание Оскара Уайлда», «Мильтон в Америке» и др., Д. Барнс «Попугай Флобера», М. Каннингем «Часы» и т.д. Эта тенденция, расцветшая в последней трети прошлого столетия и получившая к началу XXI века статус «повседневной практики», связана прежде всего со свойственной эпохе постмодернизма переоценкой ценностей предшествующей культуры.

Романы Джулиана Барнса «Артур и Джордж» (2005) и Виктора Пелевина «т» (2009), в центре которых – Артур Конан Дойль и Лев Толстой, представляют собой характерные примеры рецепции образов писателей в постмодернистском дискурсе. Несмотря на объединяющий обоих авторов, ставших уже современными классиками, социокультурный

контекст, можно предположить, что Барнсом и Пелевиным используются абсолютно различные методы, приемы и художественные решения. Безусловно, критерием, определяющим качественный уровень рецепции образов писателей в этих романах, является степень биографической достоверности, фактологической точности вводимых в сюжет произведения эпизодов из их жизни. Однако индивидуальные «инструментарии» авторов, которые создают писательские образы в своих произведениях, также требуют подробного их рассмотрения на примере двух романов Барнса и Пелевина.

Джулиан Барнс, спустя 21 год после написания принесшего ему славу «Попугая Флобера», пишет роман «Артур и Джордж», сюжет которого также строит на основе элементов из биографии одного из писателей. Отметим существенное различие между этими двумя произведениями. «Попугай Флобера» – это крайне субъективная биография писателя, написанная героем, чья судьба в общих чертах повторяет судьбу мужа мадам Бовари, причем для Барнса процесс создания этой биографии важнее даже самой биографии. Роман полностью отвечает постмодернистской поэтике и весь пронизан постмодернистской иронией (стоит упомянуть хотя бы тот факт, что поводом для написания флюберовской биографии рассказчику служит курьезный случай с настоящим и поддельным чучелами попугая, принадлежавшего писателю). В «Артуре и Джордже» используется реалистический метод, что заметно отражается на рецепции писательского образа, так как происходит смена авторской установки – с игры на правдоподобие.

Барнс убежден в том, что писатели, достойные «романного интереса», должны «представлять собой что-то, что превосходит пределы их исторической сущности» [Кочеткова 2016]. И если любовь к французской литературе и особенно к Флоберу Барнс, по его собственным словам, испытывает с самого детства, то с Артуром Конан Дойлем дело обстоит совсем иначе: «Я никогда особенно не интересовался ни Холмсом, ни Конан Дойлем. А потом я наткнулся на реальный случай из жизни, в котором оказался задействован Дойль, и я вынужден был проявить к нему интерес» [Кочеткова 2016].

Итак, каков же этот «реальный случай» из жизни Дойля? Речь идет о его решении взяться за самостоятельное расследование дела об адвокате-солиситоре Джордже Эдалджи, несправедливо осужденном по делу о череде убийств крупного скота. Барнс скрупулезно воссоздает личную жизнь Конан Дойля, который вопреки своим нередко озвучивавшимся в публичных выступлениях установкам решает добиться оправдания Джорджа с помощью дедуктивного метода Шерлока Холмса, поскольку именно проблемы в личной жизни писателя заставляют его отозваться на просьбу адвоката о помощи. Несомненно, Барнса в этой истории более

всего заинтересовал вопрос о соотношения вымысла и реальности, который и становится центральным в его романе. Возможно ли построить жизнь по законам искусства? Ответом служит не только ход повествования, но и рецепция образа Конан Дойля.

Барнс создает в «Артуре и Джордже» образ писателя, максимально приближенный к реальному историческому лицу, изображая его со всеми достоинствами и недостатками, и в связи с этим большое значение приобретают события, происходящие в «сфере духа» (в первую очередь размышления героев), а также авторская расстановка акцентов на тех или иных эпизодах.

В романе неоднократно подчеркивается писательская ипостась Конан Дойля, который даже о собственной жизни рассуждает, как о книге: «Сегодня ему уже видится начало рассказа и счастливый конец; вот только середины пока не хватает» [Барнс 2017: 17]. В начале работы над расследованием он анализирует складывающуюся ситуацию подобным же образом: «Он как будто задумал новую книгу: сюжет уже есть, но не весь, персонажи есть, но не все, есть и кое-какие причинно-следственные связи. Начало есть, концовка есть. Придется держать в голове большое количество тем одновременно» [Барнс 2017: 359].

Именно этот подход к расследованию, базирующийся по преимуществу на писательских навыках Конан Дойля, а не на методе дедукции Шерлока Холмса, приводит героя к поражению на поприще детектива. Двигаясь по пути от одной неудачи к другой, он не признается в тщетности своего довольно комического подражания Шерлоку Холмсу. Даже при «разборе полетов» Конан Дойль использует привычный ему писательский метод посредством анализа дела «снаружи», а не «изнутри», как это предполагается в любом расследовании: «Нет, так не должно быть, – сказал Артур. – Уж я-то разбираюсь. Сколько раз излагал это на бумаге. Задача не должна решаться за счет примитивных шагов. Она до последней минуты должна выглядеть совершенно нерешаемой. А потом ты развязываешь узел одним блистательным дедуктивным движением, абсолютно логичным, но совершенно поразительным, и купаешься в ощущении великого торжества» [Барнс 2017: 442]. Окружению Конан Дойля вполне понятно, что его обрекает на провал собственное стремление уподобиться Шерлоку Холмсу и, соответственно, уподобить свою жизнь детективному роману о великом сыщике: «Вот куда завела сэра Артура чрезмерная увлеченность. А виной всему, решил Джордж, не кто иной, как Шерлок Холмс. Сэр Артур оказался под пятой своего творения... Из-за своей горячности он разрушил судебное дело против Ройдена Шарпа, невзирая на стремление к обратному» [Барнс 2017: 460].

Так Конан Дойль, желая синтезировать литературу и жизнь, «осмысливая свою жизнь как историю» и стараясь «строить ее в

соответствии с неким набором правил», терпит закономерный, по Барнсу, крах [Хохлова 2016: 121]. Становится очевидным, что, как бы соблазнителен ни был знаменитый афоризм Уайльда, все-таки именно жизнь творит искусство, а не искусство – жизнь.

Виктора Пелевина интересует другая сторона той же проблемы, и решает он ее также с помощью рецепции образа писателя. Роман «t» представляет собой авантюрную историю про графа Т (Льва Толстого), героя коммерческого романа, создаваемого коллективом авторов. На протяжении всего произведения граф Т познает чрезвычайно сложные законы мира, в котором он находится, постепенно постигая свою собственную сущность.

Кем же является персонаж Льва Толстого в художественной реальности Пелевина? Он не только писатель, но и бонвиван и мастер боевых искусств. «Создатель» самого графа Т, писатель Ариэль Эдмундович Брахман (брахман – «душа мира» в индуизме, первооснова всех вещей и феноменов), в романе регулярно появляется перед героем и объясняет ему, почему его зовут «Т»: «Толстой – такое слово, что все школы помнят. Услышишь, и сразу перед глазами величественный старец в блузе, с ладонями за пояском. Куда такому с моста прыгать. А вот Т. – это загадочно, сексуально и романтично. В теперешних обстоятельствах самое то» [Пелевин 2017: 116]. На резонный вопрос героя о том, насколько важно слово «граф» в его имени, Брахман отвечает: «Маркетологи говорят, сегодня граф Толстой интересен публике только как граф, но не как Толстой. Идеи его особо никому не нужны, и книги его востребованы только по той причине, что он был настоящим аристократом и с пеленок до смерти жил в полном шоколадном гламуре» [Пелевин 2017: 116].

Граф Т славится своей школой рукопашного боя под названием «непротivление злу насилием» (сокращенно «незнас»), которая «основана на обращении силы и веса атакующего противника против него самого с ничтожной затратой собственного усилия» [Пелевин 2017: 11]. В народе же графа Т часто называют Железной Бородой, так как в его бороду вплетен булат: герой наносит своим противникам глубокие порезы, приближая свое лицо к их лицам и в быстром темпе попеременно подставляя им то левую, то правую щеку в соответствии с известными словами евангелистов по этому поводу. Наконец, граф Т опирается на своеобразные гуманистические принципы, выражающиеся в крике «Поберегись!» при каждом выстреле или броске бомбы в неприятеля. Это служит поводом для саркастического замечания его главного врага: «Полагаю, – ответил Кнопф ядовито, – я узнаю о приближении конца по сострадательному крику “поберегись!”» [Пелевин 2017: 67].

Совокупность этих элементов образа Льва Толстого приводит к

мысли о том, что Пелевин использует имя великого писателя, лишая это имя «соответствующей исторической и идейной наполненности» и упрощая «сложившиеся на уровне массового сознания стереотипные представления» о крупнейшем классике русской литературы [Кабанова 2011: 17]. Пелевин намеренно отсекает связь между графом Т и реальным Львом Толстым и оставляет только пустой знак его имени. Для художественного замысла он важен исключительно как обобщенный образ писателя, который, чтобы перестать существовать в роли персонажа чужого романа, ищет в себе Читателя – только так, по Пелевину, можно стать Автором собственной книги жизни.

Таким образом, романы «Артур и Джордж» и «t» объединяет общая проблематика: взаимосвязь автора с литературным героем, выходящая за рамки «привычного» ее понимания; степень творческой свободы писателя; соотношение реальности и искусства. В обоих случаях раскрытию каждой из проблем способствует рецепция образов писателей, осуществляемая авторами совершенно по-разному. Барнс создает образ живого, «полнокровного» Артура Конан Дойля, опираясь на все известные о нем биографические данные и используя вымысел путем включения в роман диалогов, а также мимики, жестов и размышлений героя, которые в силу своей правдоподобности гармонично сливаются с фактологическим материалом. В основе романа Пелевина лишь один реальный биографический факт – путешествие Льва Толстого из Ясной поляны в Оптину пустынь. Образ Толстого практически полностью расходится с реальным прообразом, причем все, что связывает классика с его «беллетризованным» двойником (кроме его писательского ремесла), служит лишь антуражем и не играет важной роли. Так или иначе, граф Т у Пелевина оказывается создателем, Творцом мира, в котором изначально был лишь персонажем, а Конан Дойль у Барнса терпит поражение в своем желании подчинить литературе жизнь. Это подтверждает тот факт, что несходство осуществленной Барнсом и Пелевиным рецепции писательских образов соответствует несходству общего замысла их романов.

Список литературы

- Барнс Дж.* Артур и Джордж : роман / пер. с англ. Е. Петровой. – М. : Иностранка : Азбука-Аттикус, 2017. – 544 с.
- Кабанова И.В.* Троица по Пелевину: автор-герой-читатель в романе «t» // Филологический класс. – 2011. – № 25. – С. 15–20.
- Кочеткова Н.* Джулиан Барнс о современной и Советской России и нравоучениях Толстого : интервью с Джулианом Барнсом. – 2016 [электрон ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2016/11/30/barnes/> (дата обращения: 13.12.2018).
- Пелевин В.О.* Т. – М. : Изд-во «Э», 2017. – 480 с.
- Хохлова Е.В.* Биографический миф о Конан Дойле в романе Джулиана Барнса

«Артур и Джордж» // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 117–126.

RECEPTION OF THE WRITERS' IMAGES IN JULIAN BARNES' "ARTHUR AND GEORGE" AND VICTOR PELEVIN'S "t"

The paper deals with the images of Arthur Conan Doyle in Julian Barnes' "Arthur and George" and Leo Tolstoy in Victor Pelevin's "t". We emphasize similarity of both novels' topics and establish the differences between their methods of creating writer images. Moreover, we draw a parallel between the dissimilarity of the writers' images created by Barnes and Pelevin and the dissimilarity of "Arthur and George" and "t" artistic designs.

Key words: Julian Barnes; Victor Pelevin; "Arthur and George"; "t"; Arthur Conan Doyle; Leo Tolstoy; postmodernism; author; character; biography.

УДК 821.112.2

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ РАННЕГО ТВОРЧЕСТВА Р. МУЗИЛЯ

Н.Ю. Коньшева

*Научный руководитель: Н.Э. Сейбель,
доктор филологических наук, профессор (ЮУрГГПУ)*

В статье рассматривается понятие периодизации и ее видов. С опорой на работы ученых-германистов, посвященные Р. Музилю, а также данные о биографии и этапах работы над эссе и произведениями определены условные границы творчества австрийского писателя: ранний (1898–1919) и поздний (1920–1942) этап.

Ключевые слова: хронология; периодизация; ранний, зрелый, поздний этапы творчества; Р. Музиль.

Проблема периодизации творчества писателя является значимым этапом в контексте целостного осмысления его жизни, эволюции художественных замыслов и мировосприятия. Актуальность таких исследований в рамках изучения историко-культурного развития национальной литературы бесспорна. Как общенаучный термин периодизация – это деление на временные промежутки в развитии чего-либо, которые характеризуются тем или иным набором черт, и служат основанием для деления. Цель любой периодизации – «поиск необходимого подспорья в упорядочении фактов истории, их осмысление и классификация» [Шитикова 2013: 139].

Многообразие типов периодизации отмечается в том числе в сфере культуры и искусства. В контексте изучения биографии и творчества писателей актуальны тематическая, хронологическая и локальная периодизации [см.: Шитикова 2013: 140]. Первый вид основан на эволюции и изменении тематики, проблематики и применим чаще всего к поэтическому искусству. Названия периодов при такой классификации, как правило, совпадают с названиями тематических сборников поэзии